

18+

ИВАН ТИФ

ТИШИНА УМЕЕТ СМОТРЕТЬ

Иван Тиф

Тишина умеет смотреть

«Издательские решения»

Тиф И.

Тишина умеет смотреть / И. Тиф — «Издательские решения»,

В карельской глуши, у черного леса, стоит деревня Ямь. В 1943 году здесь срубили рощу — сорок три ствола, чтобы согреть эвакуированных детей. Лес не простил. Спустя сорок лет Белая Сова забрала сорок три жизни. Еще через сорок лет в живых остались только семеро стариков и Кира, приехавшая к умирающему деду. Не знает, что смотреть в глаза Сове нельзя. Но самое страшное она узнает, когда Сова заговорит с ней человеческим голосом. Каждое дерево — чья-то жизнь. Ошибешься — потеряешь всех.

© Тиф И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Тишина умеет смотреть

Иван Тиф

© Иван Тиф, 2026

ISBN 978-5-0071-1656-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ямь, Карелия. Декабрь 1943 года.

Лес молчал.

Это было неправильно. Зимний лес никогда не молчит — он скрипит, стонет, перешёптывается снегом, трещит сучьями под тяжестью наста. Но сегодня, в этот вечер, даже ветер обходил деревья стороной. Собаки в деревне забились под крыльца и не выли. Они дрожали. Михеич знал: что-то пришло. Но он не мог остановиться.

— Руби, мужики, — приказал военком Воронин, щурясь на темнеющее небо. — Детям дрова нужны. До весны не протянут без тепла. Сорок три ствола. К утру.

Мужиков было шестеро. Михеич — самый молодой из местных, всего двадцать три года. Остальные — пришлые, эвакуированные из Ленинграда, которым безразличны здешние духи и прочие выдумки. Воронин — из района, приехал с бумажкой, где стояла круглая печать и страшное слово «ПРЕДПИСАНИЕ».

— Это не простые сосны, — сказал Михеич, не поднимая глаз. — Это роща. Староверы здесь молились. До вашей веры.

— Нет у нас времени на сказки, — Воронин сплюнул. — Кедровка, мать твою.

Секира вошла в ствол с хрустом. Первая щепка полетела в снег. Лес вздохнул. Михеич оглянулся. Показалось. Они рубили до полуночи. Сосны падали тяжело — неохотно, как живые существа, которые будто знают, что их убивают. Последний, сорок третий ствол, особенно не поддавался. Каждый удар топора отдавался в руках болью, дерево не трескалось, а плакало смолой — густой, тёмной, похожей на кровь.

— Дай я, — сказал самый опытный из мужиков, Кузьма. Хотя он и был чуть старше Михеича, но жил в этой деревушке с рождения. Он подошёл к сосне, положил ладонь на кору. Шёпот. Михеич не разобрал слов, но они были явно не русские.

Кузьма взял топор у Михеича. Ударил один раз. Сосна рухнула. И когда она упала, из-под корней пошёл пар.

— Что это? — спросил молодой парень из Ленинграда, Женька.

— Душа, — сказал Кузьма и вытер топор о штаны. — Это её душа уходит.

Все мужики остались ночевать в лесу — далеко было возвращаться в деревню. Развели костёр, сели вокруг, грели руки. Сорок три ствола лежали рядами, как убитые солдаты. В полночь Михеич проснулся от холода. Костёр погас. Угли ещё тлели, но света почти не давали. Он огляделся. Мужики спали вповалку, укрывшись тулупами. Женька посапывал, подложив под голову варежки. И тут Михеич услышал звук.

Сначала ему показалось, что ветка хрустнула. Но нет. Звук был выше. Тоньше. Скрежещущий.

Тс-с-с-с-с...

Он поднял голову. На пне, на самом высоком из спилов, сидела она. Михеич не мог дышать. Не мог моргать. Не мог даже закричать, чтобы разбудить остальных. Сова была белая как снег. Не как чистый снег — как тот, который лежит в тени, куда никогда не попадает солнце. Серая, мертвенная, с голубизной тупа. Она стояла на пне, сложив крылья, и смотрела на него. С виду вместо глаз у нее были две черные дыры. В них не было отражения тлеющих углей, в них не было ничего, словно сама бездна смотрит тебе прямо в душу. Михеич смотрел в эту черноту и чувствовал, как из него вытекает что-то тёплое. Страх? Жизнь? Он не знал.

А потом сова зашевелилась. Она не просто повернула голову. Она повернула её так, как не может ни одна птица — на сто восемьдесят градусов, да ещё и с наклоном, будто шея была сделана из резины. Прозвучало три сухих щелчка.

Сова открыла клюв.

У нее во рту не было языка. Вместо него — что-то белое, мембрана, похожая на перепонку между пальцами утопленника. И из этой белизны вырвался голос.

— С-с-с-о-о-рок т-р-р-и...

Михеич зажал уши руками. Голос не снаружи. Голос был внутри. Он скрежетал, как ржавое лезвие по кости, и одновременно — плакал. Низкое, грудное рыдание, с бульканьем, с хрипом, с таким отчаянием, какое бывает только у тех, кто потерял всё.

— К-к-а-а-ждый ствол — жи-и-изнь... К-к-а-а-ждый...

Сова взмахнула крыльями. Но крыльев было не два. Михеич насчитал четыре. Нет — шесть. Три пары, каждая заканчивалась чем-то, похожим на кисть руки. Пальцы. Шевелящиеся костяные пальцы, которые шарили по воздуху, как у слепого, который ищет лицо.

— Вы с-с-с-рубили н-н-ас... М-м-ы в-в-з-з-растём в-в-нутри...

И тут сова заплакала по-настоящему.

Из её чёрных глаз вытекла тёмная, густая слеза. Она не застыла на морозе — она потекла по перьям, оставляя блестящий след, и упала на снег. Михеич увидел, как снег вокруг капли закипел, зашипел, как от кислоты. А затем Кузьма проснулся. Старик увидел сову, и лицо его стало белым — белее её оперения. Он медленно поднялся, снял шапку, опустил на колени. И заговорил на том же языке, что шептал сосне перед рубкой. Сова повернула голову к нему.

— Т-т-ы з-ж-же н-е м-м-олишься... Т-т-ы ж-ж-е с-с-с-рубил...

Кузьма заплакал. Беззвучно. Он не закрывал глаза. Он смотрел на сову, и она смотрела на него. А потом она сказала последнее. Голосом, в котором скрежет металла вдруг стал человеческим — молодым и страшным своей обычностью:

— Через сорок лет. И ещё через сорок. Я приду за каждым.

И исчезла. Не улетела — исчезла. Как будто её никогда не было. Только на пне осталось одно белое перо. И три глубокие борозды на снегу — след когтя. Утром Михеич нашёл Кузьму. Старик сидел на том самом пне, где стояла сова. Глаза его были открыты. Но они были белыми — радужка, зрачок, всё затянуло молочной пеленой. Он был слеп.

— Что с тобой? — спросил Женька, дотрагиваясь до его плеча.

— Она забрала глаза, — сказал Кузьма спокойно. — Чтобы я не видел, как она будет собирать долг. Сорок три ствола — сорок три жизни. Через сорок лет — сорок три. Ещё через сорок — сколько останется.

— Безумие, — прошептал Воронин. — Старый дурак ослеп от снега.

— Снег не плачет чёрными слезами, — ответил Кузьма. И замолчал навсегда.

Лес вздохнул второй раз. И затих. Через сорок лет, в 1983 году, в деревне Ямь погибло сорок три человека. Все — потомки тех, кто рубил рошу. Или те, кто видел сову. Тело Кузьмы нашли в его доме. Сидел на лавке, лицом к двери, и улыбался. Из пустых глазниц росли ветки — тонкие, берёзовые, с сухими листьями посреди зимы. Он выполнил долг. Лес принял его.

У Михеича на левой руке, под ногтем большого пальца, появилось белое пятно. Маленькое. Он скрывал его всю жизнь. И передал по наследству.

Глава 1

Ямь, Карелия. Конец ноября. 2023 год.

Дорога кончилась за три километра до деревни. Кира остановила машину по середине просёлка, заглушила двигатель и вышла под идущий с неба снег. Мело так, что фары выхватывали из темноты только танцующие белые хлопья. Навигатор показывал, что цель — прямо по курсу, но навигатор врал. Спутник давно не видел эту землю. Она достала фонарик, посветила вперёд. Увидела сломанный столб с остатками проводов и табличку, которую ветер развернул задней стороной. Кира обошла столб, счистила снег рукой.

«Д. ЯМЬ. 2 км»

Буквы были выведены чёрной облупившейся краской и сквозь неё проступало что-то белое. Кира провела пальцем. Под краской был след от когтя — глубокий, в три борозды, залитый чем-то тёмным, похожим на застывшую смолу. Она убрала руку. Пальцы не слушались. Не от холода. До деревни она шла пешком. Снег скрипел под подошвами так громко, что казалось: этот звук слышно за километр. Но вокруг было тихо. Не просто тихо — мертво. Ни собачьего лая, ни шума веток, ни далёкого гула трассы. Только снег под ногами. И её собственное дыхание. Кира остановилась, прислушалась.

Ничего.

Она выключила фонарик — батарейка села быстрее, чем положено. Подождала, пока глаза привыкнут к темноте. Луны не было. Но снег светился сам по себе бледным, молочным светом. Этого хватало, чтобы разглядеть первые дома на окраине. Два ряда изб, вросших в землю по самые окна. Крыши просели, трубы покосились. Над одной трубой шёл дым, тонкий, белый, почти незаметный на фоне неба. Значит, кто-то жив. Она пошла к дыму. Дедов дом стоял в конце улицы, у самого леса. Кира узнала его по высокой берёзе у калитки — дед посадил её в год рождения Киры. Берёза вымахала выше крыши, ствол в два обхвата. Но сейчас дерево было больным: кора отслаивалась белыми хлопьями, как старая кожа, и из трещин сочилась тёмная, густая жидкость. Кира поднесла палец. Понюхала. Смола. Обычная сосновая смола. Но откуда она на берёзе? Она вытерла руку о снег и толкнула калитку. Калитка не скрипнула — она вздохнула, как живая. Кира вздрогнула, но заставила себя войти. Дверь в дом была не заперта. Ключ висел рядом на гвоздике — ржавый, им давно не пользовались. Она потянула ручку...

Внутри пахло не смертью, а запустением. Пыль, старая бумага, прошлогодние травы на печи. Дед не топил уже несколько дней. Кира включила фонарик (батарейка чудом ещё жила) и обвела лучом комнату. Стол, кружка с засохшим чаем, раскрытая книга — какой-то старый фолиант на непонятном языке. И на стене... Кира замерла. На стене висела карта. Старая, выцветшая, расчерченная красными кругами. А над картой — портрет. Не деда. Не бабки. Белая сова.

Рисунок углём на вырванном из тетради листе. Сова была нарисована грубо, неумело — детской рукой. Но глаза... глаза были закрашены чёрным так тщательно, что бумага в тех местах протёрлась до дыр. Делали это долго, с силой. Как будто хотели зачеркнуть сам взгляд. Кира сняла рисунок со стены. Перевернула. На обороте дрожащим, старческим почерком было написано:

«1983. Ты спряталась в погребе. Она села на люк. Я слышал, как она ухает — не как птица. Как мамка, когда голосила по брату. Я не открыл. Ты умерла там, внутри. Прости. Прости.»

Слово «прости» было написано семь раз. Седьмой поверх шестого, так, что буквы слились в чёрное пятно.

Кира положила рисунок на стол. Руки дрожали. Она села на лавку, закрыла глаза. И услышала голос. Он пришёл не с улицы. Он родился внутри комнаты — как будто стены начали говорить.

— Ккк-кре-е-е-ев...

Звук был похож на скрежет металла по стеклу. Высокий, режущий, с примесью чего-то влажного, как если бы кто-то рвал мокрую ткань. Кира открыла глаза. Никого.

— Ммм-а-а-а-м-м...

Голос поднимался, дрожал, распадался на два тона одновременно, как будто пели два человека, один на октаву выше. В этом звуке было что-то человеческое. Слишком человеческое. И от этого становилось ещё страшнее. Кира вскочила, прижалась спиной к стене. Фонарик выпал из рук, покатился по полу, луч заметался по углам. Она увидела окно. Там, на ветке той самой берёзы, сидела она. Кира не могла пошевелиться. Не потому, что боялась — тело просто отказалось подчиняться. Мышцы окаменели, язык прилип к нёбу, даже моргать получалось через силу. Она смотрела в окно, и окно смотрело на неё. Сова была белая, как снег. Не белая — мертвенно-белая, с голубоватым отливом, как у льда, под которым лежит тело. Она сидела неподвижно, если не считать головы. Голова поворачивалась медленно, плавно, слишком плавно — так, что Кира слышала хруст позвонков. Один шелчок. Второй. Третий. Сова повернула голову на сто восемьдесят градусов. И её глаза... Они были чёрными. Такими чёрными, что казалось: сама бездна смотрит тебе прямо в душу. Ни зрачка, ни радужки. Просто две вертикальные трещины в реальности, в которые утекает свет. Кира попыталась отвернуться — не смогла. Глаза держали её, как клей. А потом сова заговорила:

— Вы-ы-ы-ш-шла...

Голос был не птичьим. И не человеческим. Он скрежетал, как ржавые петли, которые открывают в первый раз за сто лет. В нём слышалось рыдание, низкое, грудное, с булькающим призывом. И одновременно крик. Не громкий, а сдавленный, такой, какой вырывается из завязанного рта.

— Вы-ы-ы-шла до-о-о-лг от-да-а-а-ть...

Кира хотела закричать. Вместо крика из горла вырвался только хрип, тихий, беспомощный. Сова склонила голову на другой бок. Раздался звук, похожий на треск сухой ветки. Один из её глаз дёрнулся — зрачок (если это был он) расширился, затянув всю глазницу чернотой. А затем из темноты выступила слеза. Чёрная, густая, как смола. Она скатилась по белому перу, замерзла на морозе и повисла ледяной каплей. Сова плакала. Или ей просто казалось, что она плачет.

— С-с-с-орок т-т-р-и... — проскрежетала она. — Я при-и-и-ду за в-с-с-еми

Краем глаза Кира увидела, как из её собственной руки — той, что была прижата к стене — выступает капля чёрной смолы. Прямо из-под ногтя. Без боли. Без пореза. Просто — появляется. Она закричала.

Очнулась Кира на полу. Фонарик не работал. В комнате было темно, но из-за окна пробивался молочный свет — снег светился, как и раньше. Берёза за окном была пуста. Совы нет. Кира поднесла руку к глазам. Ноготь был чистым. Никакой смолы. Но на ладони остался след — белое пятно под кожей, как родинка, которой раньше не было. Кира поднялась, нащарила на столе спички, зажгла свечу. Коптящий жёлтый огонь разогнал темноту по углам. В его свете не было отражений. И совы тоже не было, но на столе — там, где раньше лежал рисунок — теперь лежало перо. Белое, длинное, с острым краем. На конце пера застыла чёрная капля. Та самая. Кира взяла перо двумя пальцами. Оно было холодным — не как снег, а как металл, который пролежал в проруби. Она поднесла его к свече. На свету перо не стало прозрачнее — оно посерело, как будто выцвело. Кира положила перо обратно и села на лавку. И просидела так до утра, не сводя глаз с пламени.

На рассвете она нашла деда. Он лежал у леса, на поляне, лицом в снег. Старческая шапка съехала набок. Глаза закрыты, из-под век — два тонких ледяных мостика, будто кто-то приложил к лицу холодные пальцы и держал, пока лёд не сковал кожу. Рядом с телом — три неглубокие борозды в снегу. След когтя. И ни одного другого следа — ни человеческого, ни звериного.

Кира опустилась на колени, сняла шапку с деда. Внутри, на подкладке, лежала записка. Одно слово, выведенное трясущейся рукой: «43». Кира посмотрела на лес. На стволы, уходящие в серое небо. На чёрные провалы между ними. И в самом конце тропинки, между двух сосен, ей почудилась белая фигура. Она не летела. Не стояла. Она просто — была. Там, где темно. Кира закрыла глаза. Свечу она не погасила.

Глава 2

Кира открыла глаза. Свеча все ещё горела — оплыла, почти догорела, но давала жёлтый неровный свет. В комнате было тихо. По-прежнему тихо — той неестественной, плотной тишиной, которая давит на уши. Она не помнила, как заснула. Или потеряла сознание? Или просто провалилась в темноту от страха? Тело ломило, как после долгой болезни. Шея затекла от того, что она сидела, прислонившись к стене, поджав колени к груди. Кира посмотрела на свои руки: на груди, на свитере, лежало перо. Белое, длинное, с острым краем. Она не сразу поняла, откуда оно взялось. А когда поняла — руки задрожали. Она не слышала, как сова влетала в дом. Не слышала, как перо упало. А оно лежало, тяжёлое и холодное. Кира взяла его пальцами. Металлический холод. И запах — мокрая кора и старая кровь. Она поднесла руку к свече. Под ногтем большого пальца — белое пятно. Его не было вчера. Или было? Она не помнила. Но сейчас оно занимало пол-ногтя. Белое, мёртвое, как выцветшая кость. За окном серело. Рассвет. Кира встала. Ноги не слушались — затекли, онемели. Она пошла к двери, перешагивая через половицы, которые почему-то больше не скрипели. Всё молчало. Даже дом, который всегда стонет по ночам, замолчал. Дед лежал за углом. Она нашла его сразу — снег за ночь почти замел тело, но шапка-ушанка торчала чёрным бугорком. Кира упала на колени, отгребла снег. Лицо деда было спокойным. Глаза закрыты, но из-под век тянулись две тонкие ледяные дорожки — как будто кто-то приложил к лицу холодные пальцы и держал, пока лёд не сковал кожу. Кира провела по льду пальцем. Лёд не таял. На ватнике деда, на груди — она не заметила этого вчера в темноте или записка появилась потом — лежал листок. Вырванный из тетради. Она развернула его. Одно слово: «43». Кира сжала листок в кулаке. Ничего не поняла. Но сердце уже знало — стучало глухо и часто, как будто пыталось вырваться из груди. Она встала, огляделась. Дым над трубой единственного дома на краю деревни всё ещё шёл. Тонкий, белый, почти незаметный на фоне серого неба. Кира пошла туда. Когда приблизилась ко входной двери, постучала. Никто не ответил. Она толкнула дверь — та не была заперта. Внутри пахло травами, старой древесиной и чем-то сладким — может быть, ладаном. В углу теплилась лампадка. А на лавках, вдоль стен, сидели люди. Семеро стариков. Они не обернулись, когда Кира вошла. Не сказали ни слова. Сидели неподвижно, сложив руки на коленях, и смотрели прямо перед собой. На лицах — никаких эмоций. Спокойствие мёртвых, которые ещё дышат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.